

Ник Горькавый

АСТРОВИТЯНКА

Космический Маугли

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г71

Серия «Космические истории»

Художник обложки *Валерий Новоселов*

В книге использованы иллюстрации
Дмитрия Никулушкина

Горькавый, Ник.

Г71 Астровитянка. Космический Маугли / Ник. Горькавый — Москва:
Издательство АСТ, 2016.— 348, [2] с.— (Космические истории).

ISBN 978-5-17-099532-5

Ее зовут Никки. Она — космический Маугли. После гибели родителей она осталась совсем одна на крохотном астероиде. Ее единственным другом и наставником был компьютер, который спас ей жизнь и стал частью ее тела.

Девочку нашли и вернули в большой мир, когда ей было тринадцать. Но те, кто убил родителей девочки, никогда не оставят ее в покое. Космический Маугли, она должна умереть. Вот только убить ее не так уж просто. У юной и хрупкой девушки — железная воля, отточенный ум и, главное, она умеет находить друзей.

Настоящих друзей...

Подписано в печать 10.08.16
Формат 84 × 108 $\frac{1}{32}$. Усл. печ. л. 18,48
Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Ник. Горькавый, текст, 2016
© Саша Сильвер, ил., 2016
© Валерий Новоселов, обл., 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Всем умным молодым людям Земли, Луны
и дальнего космоса.
Челябинскому Научному Обществу Учащихся —
чудесному феномену, проросшему в трещинах
официальных воспитательных структур.
С надеждой, любовью и благодарностью
посвящается эта книга*

Пролог

Полумрак. Уютно пытит кофевар, в такт ему тихо поскрипывает обитое кожей кресло, на котором любит качаться Сюзан. На мониторе переплетаются кривые спектров каменной планетки, чей тусклый полумесяц уже не помещается в широкое окно рубки. Руки Сюзан, подсвеченные мигающими огнями, колдуют над пультом пилота; я — бездельничаю и смотрю на её профиль, на тёмную шевелюру, в которой поблёскивает неожиданная пёстрая прядка из каштановых, рыжих и даже белых волосков.

Динамик пошуршал, похрустел и вдруг запел-заговорил тонким детским голосом забавную песенку... — считалочку, что ли?

Чей нос? — Саввин!
Куда ходил? — Славить!
Что выславил? — Копеечку!
Что купил? — Пряничек!
С кем съел? — С мамой...

Тут и мама-Сюзан удивлённый голос подала:

— В первый раз слышу эту прелесть!

— Я тоже,— хмыкнул я.— И где только Никки выкапывает такие древности?

— Айван! — сказала Сюзан, не поворачивая головы.— Мы будем на мысе Канаверал в полдень пятницы по точному времени. Чем займёмся в первую очередь?

Айван — это я.

— Выбирай сама: нужно сдать железо, срочно расконсервировать дом и маниакально кропать то-олстый отчёт за все шестьдесят месяцев полевой работы.

— Фу, гадость! — фыркнула Сюзан.— Лучше так: все срочные дела сложим в кучку, в кучке сверху сделаем ямку. Потом туда плюнем, а сами — тихонько, на цыпочках — за дверь и в машину. Через час снимаем номер в «Хилтоне» с окном на залив — как в прошлый раз — и сразу купаться! Волна пахнет тропиками, шелестит тёплая позёмка песка, и жизнь хорошеет на глазах...

— Гениально!

— Вечер проводим на веранде ресторана под пальмовой крышей. Мясо с кровью — прямо с углей, под со-

лёный морской бриз и ледяное сухое вино. Потом, под-
держивая друг друга, поднимаемся в комнату, которая
освещена лишь луной и прибором, и...

— Эй-эй, дальше не надо!

— ...и море шумит в распахнутую дверь балкона и
машет на нас длинными занавесками, а белые барашки
ночного шторма видны прямо с подушки... Утром кофе
пьём на лоджии, полной солнца и ветра, под крики чаек
Тампы... О боги! Я мечтала вернуться к нашему морю
все эти длинные марсианские годы...

Сюзан зажмурила глаза, и что-то даже блеснуло в её
ресницах.

— Держись, Сюзан, осталась всего неделя лёту! Бу-
дет тебе море — с чайками и пеликанами! — От сочув-
ствия и в моём горле защипало.— А пока — притащ-ка
я кофейку моему бравому капитану...

Сюзан грустно вздохнула мне вслед:

— Возьми зелёную кружку, там магнит посильнее.

Я принёс кофе, примагнитил его на пульт и нежно
поцеловал свою усталую душеньку-пилота сначала в те-
мечко, а потом в шею. Сюзан быстро обняла мою голову
одной рукой и крепко чмокнула в небритую щёку. О Га-
нимед! Как этой женщине удаётся всегда так умопомра-
чительно пахнуть?..

— На ваши драгоценные измерения, штурман... — к Сю-
зан вернулась властность командира,— осталось две мину-
ты, и начинаем орбитальный манёвр. Пройдём по касатель-
ной, так что возьмёшь ещё качественный скан поверхности.

«Какой удачный день — по дороге домой случайно
заметить М-астероид с двумя спутниками. Мы не смог-

ли найти такого симпатягу за все пятьдесят вылетов в Главный Пояс... и вот — на самом его краю, так близко к Солнцу... — в который раз с энтузиазмом подумал я и сел в кресло.— Нелли будет вне себя от счастья, это такой козырь для неё...»

— Надо было всё-таки доложиться на базу,— взыграла во мне лояльность.

— Ты что, не знаешь доктора Пфаффа? — усмехнулась Сюзан.— Такая волокита начнётся — планы, согласования, одобрения... и пролетает твой тройной астероид, махая платочком. Мы ведь даже не высаживаемся, только тесное сближение... Тридцать секунд до начала манёвра. Ты пристегнул Никки?

— Да, конечно.— Я глянул на боковой монитор. Наша девочка-белочка что-то рисовала, сидя в кресле с высокой спинкой.

— Десять секунд... пять...

И тут в воздухе зародилась странная вибрация. Она быстро усилилась и навалилась низким гулом. Я по-настоящему испугался:

— Дьявол! Что это?!

— Не знаю! — растерянно выкрикнула Сюзан.

Гул сорвался в невыносимый вой и сверлящую боль в ушах. Во рту замозжило металлическим вкусом. В пульте и стенных панелях затрещали и заискрились бешеные разряды. Контрольные индикаторы стали гаснуть целыми секторами. Сюзан лихорадочно пыталась что-то сделать, выправить — но всё было прах: с пульта исчезли огни корабельного компьютера, потом потухли сигналы от двигателей и реактора. Свет в рубке погас, даже ава-

рийный, от батарей! Громкий треск и искрение в стенах тоже прекратились: за считанные секунды живой тёплый корабль превратился в неуправляемую глыбу металла, рубка освещалась лишь холодным светом астероида, и край его серого широкого серпа целился в наш беспомощный корабль, не успевший сделать поворот. Беда! Беда!

— Никки! — Я вскочил и рванул дверь в жилой отсек, но овальный стальной люк был невозмутим, как приваренная плита, как створка закрытого сейфа.

— Сделай что-нибудь, Айван, СДЕЛАЙ ЧТО-НИБУДЬ! — пронзительно закричала Сюзан, вцепившись в безжизненный пульт, а к прозрачной стене рубки плавно и беспощадно приближались скалы астероида.

Я без церемоний выдернул Сюзан из кресла и отшвырнул к люку. И сейчас же острая скала с хрустом навалилась на бронестекло. Стекло раскатисто лопнуло, вдавилось внутрь корабля потрескавшимся пузырьём, и в разрывах трубно завыл ускользящий воздух.

С пульта сорвалась кружка и устремилась к рылу серого каменного чудовища, влезającego в рубку в клубях пыли. Кофе выплеснулся струёй и закипел в разреженной атмосфере.

Но сюрреалистический кошмар происходящего не мог напугать меня — я был слишком занят, вручную вытягивая из стены плиту герметичной переборки.

Трещали мышцы, и щелчками боли рвались связки. Сюзан изо всех сил помогала мне отгородиться от зверя. Послышался далёкий детский плач и сразу сорвался в визг ужаса. Плита соединилась со стеной: КЛАНГ! Успели!

В следующую секунду толстая сталь перегородки вздулась парусом, застыла на мгновение — и лопнула мне в лицо. Остро стегнуло виной: «Никки! Сюзан! Не смог! Не спас... Ты! Гад! Жри меня — оставь их!»

Вдруг всё замерло и быстро потемнело. В этой теснящей мгле раздался звонкий смех Никки, и ласковый голос Сюзан позвал меня: «Айван...»

Яростный рёв мужчины и женский крик прервались одновременно в оглушительном грохоте и ледящем скрипе разламывающегося корабля. Детский визг длился на секунду дольше, но когда усталый зверь продрался сквозь всю рубку и сердито ткнулся каменным рылом в наглухо закрытый люк, то визг сразу прекратился.

Стальная дверь хрустнула и изогнулась, но выдержала. Под угасающий скрежет металла чудовище недовольно отодвинуло пыльную окровавленную морду от люка и замерло.

Мрак затопил раздавленную рубку, разлился по мёртвому кораблю — и стал тишиной.

Глава 1 День исполнения желаний

Звонко плеснув, метнулась в глубину рыба.

Жарко.

Дурманит духом свежескошенной травы, земли, лета. Солнечные лучи сквозь крышу оранжереи заливают густую зелень и ослепительно вспыхивают на ленивых волнах, расходящихся по маленькому пруду.

По дорожке среди высоких помидорных кустов лёгкой походкой идёт босоногая девочка. Её одежда собралась из разорванной на плече грязно-белой майки, когда-то красных шортов и тёмного линялого рюкзака за спиной.

На первый взгляд, это обычная девочка-подросток, худенькая, с тонкими чертами весёлого лица, длинными спутанными волосами и поцарапанными острыми костяшками коленок.

Девочка останавливается, внимательно высматривает среди пахучих листьев помидорного толстяка алой спелости и аккуратно срывает его, потом на соседней грядке отщипывает молодой укропный стебель и несколько фиолетовых лепестков базилика. Выпрямившись, она небрежно смахивает прядь волос, упавшую на лицо,— и тут проясняется не замеченная ранее странность в её облике: каждый волосок густой шевелюры девочки совершенно прозрачен. Брови и ресницы — тёмные, а волосы падают на лоб светлыми паутинками. Но даже тонкое стекло хорошо заметно в преломлении света — и солнечные блики, рассеиваясь в хаосе хрустальных прядей, заставляют их ярко переливаться.

Девочка подошла к крохотному пруду и сложила добычу на его каменный край. Настоянный травяной воздух с примесью речного запаха кружил голову. Девочка сладко потянулась и вдруг наклонилась, оттолкнулась от берега и, громко взвизгнув, нырнула в самую глубокую часть пруда — прямо в одежду и с рюкзаком.

Тёмные рыбы спины в панике шарахнулись, а волна воды залила ближайшие кусты и смыла сухой лиственный мусор в пруд.

Выплёскивая причудливые фонтаны крупных дрожащих капель и громко фыркая, девочка купалась с полчаса, ныряя и подолгу плавая возле донных камней, заросших илом и ленточными водорослями. Стекланные

волосы её стали почти неразличимыми среди тёплых водяных струй, и могло показаться, будто вокруг голой головы колыхнется прозрачная медуза.

Смахивая капли, льнущие к лицу, девочка выбралась из воды и уселась на самое солнечное место берега, покрытого тёмно-зелёным ползучим вьюнком. Её волосы, слипшиеся после купания, походили на причудливую хрустальную шапочку.

Девочка закрыла глаза, подняла лицо к солнцу и громко продекламировала протяжно-завывающим, актёрским голосом:

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла — в башнях замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил её паж.

Никогда-никогда девочка не была у моря! И смутно представляла себе, что такое этот экипаж, тем более городской. Но четыре строчки из старого фолианта волновали её до слёз. Они вмещали целый мир с бушующим морем, старинными замками и влюблёнными пажам. Из дворцовых ворот выбегали извилистые горные дороги, и по ним, изредка и — чудилось — не спеша, ездили эти самые экипажи. Из стрельчатых окон резных стройных башен приветливо выглядывали короли, королевы и их придворные, и славился там чудный композитор Шопен, чью музыку играли непременно на лютне или клавесине.

В этом мире были люди... много людей! Они жили в домах или замках, катались в каретах или автомобилях, смотрели друг на друга и влюблялись, внимая музыке.

Миллионы, миллиарды людей! — это всегда поражало воображение девочки. «Уму непостижимо, клянусь улыбкой Пандоры, как они там все умещаются!» — часто думала она с наивным восторгом. И как же ей хотелось быть принцессой из старого каменного замка с башенками, заросшими зелёным плющом!

Девочка прислушалась к чему-то, запустила руку в мокрые волосы и вытащила оттуда запутавшегося малька. Она с прищуром рассмотрела его ошеломлённую рожицу, весело хихикнула и бросила рыбёшку назад в пруд.

Под взволнованной поверхностью воды всё ещё метались потревоженные тени рыб. Девочка со стеклянными волосами встала на ноги и медленно двинулась вокруг пруда, всматриваясь в его глубину. Нашла глазами самую крупную рыбу спину, длиной сантиметров тридцать.

— Приветствую тебя, рыба Эрик! Пойдёшь гулять — не забудь зонтик, сегодня обещали дождь! — незамысловато пошутила она тоненьким мультипликационным голоском. Потом отследила спину поменьше, ловко зацепилась одной рукой за берег, а другой молниеносно выхватила рыбу из воды.

Крепко зажав в ладони отчаянно бьющуюся радужную форель, девочка забрала красавец помидор и пучок зелени и направилась к выходу из оранжереи. Дверь, похожая на дверь сейфа, сама отворилась перед ней, а потом плотно закрылась.

Девочка прошла на кухню с видом на осенний лес и занялась приготовлением ужина. Вода дробными ручейками стекала с сосулеч её волос и обильно капала с рюк-

зака, но девочку совершенно не волновали ни мокрая одежда, ни неопрятные лужи на полу.

Она взяла острый нож, оглушила пойманную рыбу его массивной рукоятью и одним ударом лезвия отсекала форели голову. Ещё несколько удивительно быстрых и точных движений ножом — и бедная рыба очищена.

Девочка хладнокровно посыпала специями и мукой ещё трепещущую тушку форели и положила её в накрытую стеклянной крышкой сковородку, где уже разогрелось и пощёлкивало оливковое масло.

После чего выбрала нужный угол обзора, различила шестиугольные узоры на поверхности горячего масла и произнесла довольным голосом:

— Только в нашем ресторане — самые свежие конвективные ячейки Бенара!

Девочка со стеклянными волосами оживлённо заговорила сама с собой:

— Вы утверждаете, что ваша восточная ручьевая форель *Salvelinus fontinalis* на вкус самая изысканная в мире? Советую вам придерживаться ваше мнение, пока не попробуете ту, что приготовит мистер Вульф!

Под потрескивание жарящейся рыбы девочка крупно накромсала в тарелку сочную помидорную мякоть, добавила соли и снова оливкового масла. Тем же ножом она нарезала укроп и базилик, придерживая их левой рукой. Потом ловко смахнула в салат свежекрошеную зелень, поднесла к лицу пальцы, мокрые от сока базилика, и с наслаждением вдохнула его запах.

И спросила любопытным басом:

— А что ты сделаешь на свою долю клада, Том Соьер?

Сама же и ответила более звонким голосом:

— Куплю себе новый барабан, настоящую саблю, красный галстук, щенка бульдога, а потом женюсь.

Опечаленный басок отметил:

— Том, ты, должно быть, совсем рехнулся!

Его перебил тоненький голос:

— Том, теперь я никого, кроме тебя, любить не буду, только и ты тоже ни на ком не женись, кроме меня.

Девочка заглянула под крышку сковороды, проверила самочувствие рыбы и заговорила уже двумя спорящими голосами — Умно-Благородным и Визгливо-Противным — такими интонациями мы обычно передаём свои споры с неприятным человеком, который во всём неправ.

Казалось, что разными голосами девочка пытается населить окружающее её пространство.

— Тщеславие — могучая вещь! Самые мелочные люди на свете — большие люди. И у них слюнки текут только на длинную свинью,— рассуждал Умно-Благородный голос.

Визгливо-Противный, которого так и хотелось стукнуть по голове за несправедливое ехидство, заявил:

— Оставьте свой сарказм при себе, Вульф. Я понимаю, у вас в Нью-Йорке... — девочка произнесла слово «Нью-Йорк» сочно, даже приятно зажмурившись,— такие шуточки идут на ура, но здесь, в глубинке, мы проживём и без них!

— Меня возмущает ваш тон, ваш выбор выражений, ваши манеры и ваши методы работы! — не стерпел Умно-Благородный.

—